

1

— Ты садист, Сережа: вытащить меня так рано из теплой постели. Оторвать от мужа... Привезти в этот подвал только для того, чтобы что-то там показать... Куда мы едем?

— На Аткарскую.

Лиза, худенькая русоволосая молодая женщина, одетая в джинсы и свитер, сидя в машине, спросонья разговаривала с Мирошкиным, следователем прокуратуры, таким расслабленно-капризным тоном, который могла позволить себе исключительно в присутствии трех человек на всем белом свете — Глаши, своей помощницы, мужа Дмитрия Гурьева и верного друга и тоже помощника Сергея Мирошкина. Правда, с недавних пор в ее адвокатской конторе, которой она заправляла вот уже несколько лет, завоевав авторитет талантливого адвоката и «тайного» следователя, работал еще один человек, почти мальчишка, — Денис Васильев. Вот по отношению к нему она с самого начала взяла чуть ли не

материнский тон, о чем потом пожалела: пусть он и мальчишка, ему всего-то двадцать восемь, но уж в сыновья-то он ей точно не годится. Она рядом с ним смотрится как его сестра или подружка. Может, когда-нибудь, когда она привыкнет к нему настолько, что будет воспринимать его как близкого человека, как Глафиру, например, возможно, она и расслабится в его присутствии, позволит себе просто его не замечать...

И вообще, при чем здесь Васильев, когда сейчас, ранним прохладным весенним утром, она спускается в подвал девятиэтажного дома, уже трагически «помеченного» присутствием черной прокурорской машины и обшарпанного микробуса экспертов, а из темного зияющего прямоугольного дверного проема несет сыростью и запахом смерти...

...Они спустились по бетонной, в три ступени, лестнице и оказались в узком коридоре, заваленном мусором. Слева кто-то, очень нагло-хозяйственный, лет десять-пятнадцать тому назад, если судить по состоянию прогнивших досок и отсутствию двери, отгородил для себя сарайчик, который сейчас был залит неприятным светом прожектора, высветившим, как на сцене, центральную фигуру недавней трагедии — привязанную к старому венскому стулу девушку. Мертвую, с кляпом во рту. Она была изуродована чьей-то жестокой и сильной рукой — сломан нос, разби-

ты губы, лицо раздулось, посинело и было залито кровью. Ярко-рыжие волосы локонами свисали на грудь и плечи. На девушке было пестрое зеленовато-оранжевое вязаное платье, порванное на груди. Кожа, видневшаяся сквозь изорванное, превращенное на груди в редкую сетку из толстых шерстяных ниток полотно, была белой, словно припудренной. Лиза подумала, что такой невероятной белизны кожа может быть лишь у натуральных шатенок и что этот красивый медно-красный цвет волос наверняка когда-то давно давал повод злым и жестоким сверстникам дразнить обладательницу этой роскошной гривы не иначе как «рыжая-рыжая, конопатая»... И не факт, что это она, рыжая, убила дедушку лопатой. Убили как раз ее. И Мирошкин позвал Лизу, чтобы она помогла ему разобраться с очередным делом.

— Кто ее нашел? — спросила она Сережу вполголоса, осторожно разглядывая мрачноватые фигуры приехавших сюда прокурора города и полицейских.

— Бомж, кто же еще может оказаться в такой дыре ночью... Он поссорился, как он говорит, с дружбаном из соседнего подвала, тот избил его и выгнал, что-то они там не поделили. Вот этот гном...

Лиза только что заметила сидевшее прямо на цементном полу, в самом углу подвала, существо в серых обносках и тускло-красной шапке, надвинутой на самый лоб.

— Вот этот гном и спал рядом с ней... А когда проснулся — может, от запаха, — посветил спичками, увидел и — ходу... Во дворе он столкнулся с мужчиной, который выгуливал свою собаку, и сказал, что в подвале труп. Тот быстро среагировал, позвонил... Вот и все, собственно.

— Понятно. Кто она?

— Ни сумки, ни документов... Личность пока не установлена.

— А от меня ты чего хочешь?

— Лиза! — выдохнул ей Мирошкин прямо в ухо. — Мне кажется, что это дело как раз для твоей Глафиры. Она обожает такие истории. Таинственная незнакомка и все такое... Личная бурная жизнь, ревность... Кажется, она собирается записывать все ваши дела? Так сказать, мемуары, ну, как Ватсон...

— Мирошкин, замолчи. Ничего такого она записывать не собирается. Все это твои выдумки...

— Она сама со мной своими планами делилась.

— И вообще, что это ты так развеселился?

— Я? Нет, просто это нервное. Как ты думаешь, за что ее так?

Между тем тело уже отвязали от стула. Пришли санитары и уложили его на носилки. Лиза не сводила глаз с золотых кудрей девушки. Успела отметить про себя, что при жизни она была невысокого роста, с круглым полным лицом и малень-

ким курносым носом. Что-то знакомое проступило на фоне всего этого зрительного кошмара.

— Хорошо. Тогда скажи мне, почему ты привез сюда не Глашу, а меня? — заняла она на ухо Мирошкину.

— Потому что она без твоего ведома и шагу не ступит.

— Знаешь, Сережа, по-моему, ты действительно прав и дело обещает быть интересным. Вот только мы с Гурьевым собрались в отпуск. На острова. Подальше от всех этих трупов и разборок...

— Ну, тогда извини... — Неожиданно Мирошкин отстранился от нее и с деловым видом подошел к эксперту. Лиза видела, как он шепотом переговаривается с ним.

Обиделся. Как пить дать обиделся. И он прав. Сколько раз они расследовали дела параллельно, и всегда все, что касалось официальной стороны работы (в особенности экспертизы или оперативных данных), ей поставлял верный друг Сережа Мирошкин. И вот теперь, когда он, вероятно, почувствовал, что дело, которое ему поручили, обещает быть сложным и, быть может, даже громким, потому что журналисты уже к утру пронюхают про золотоволосую мученицу, он обратился за помощью к Лизе — а она отказывает ему...

Когда он вернулся к ней, она со вздохом произнесла:

— А что, если удастся быстро установить личность жертвы и ты сам вычислишь убийцу?

— Острова от тебя не уплывут, — пожал плечами Сережа. — Так как?

— Пришли мне на почту снимки, потом подождем результатов экспертизы.

— Послушай, они сейчас уедут. Уверен, что здесь, в подвале, останется что-то, на что они не обратили внимания. Ты знаешь, о чем я.

— Хорошо. Я подожду на улице, позвоню Глаше и попрошу ее приехать сюда. Мы попробуем что-нибудь найти. Жаль, конечно, что нет личных вещей...

— А тебе ее лицо не кажется знакомым?

— Кажется. Но, когда я думаю о ней, представляется почему-то кухня, какие-то большие кастрюли...

— Может, она работала в «Ностальжи», в ресторане, где обитает бывший Глашин муж, бармен Адам?

— Не знаю... Я попытаюсь вспомнить. Ты же знаешь, у меня неплохая память на лица. Ну теперь все? Я могу выбраться из этого подвала?

— Я помогу тебе. Вот только с шефом поговорю. Он и так бросает на меня страшные взгляды. Он же знает тебя и Гурьева твоего тоже.

— Думаешь, ревнует? Ему не нравится, что мы с тобой нередко работаем вместе?

— Нравится не нравится, но ему ли не знать, что наша раскрываемость без твоей помощи вырождалась бы совершенно другими цифрами!

— Вот именно! — улыбнулась Лиза. — А то, что благодаря нашим совместным усилиям многие

дела разваливались прямо на его глазах, так это, извини меня... Нечего шить тюремные штаны для невиновных. Но все равно, подойди к нему, послушай, как он начнет произносить свои умные наставления и отдавать приказы... Господи, как же хорошо, что я сама себе хозяйка! Никогда не смогла бы работать под руководством таких вот серьезных дядек, честное слово.

Мирошкин подошел к прокурору. Лиза краем уха слышала их разговор. Разыскать убийцу... в кратчайшие сроки... журналисты уже на хвосте... начальство... раскрываемость... тщательно проработать... экспертиза...

Лиза не стала ждать окончания этого пустого разговора, поднялась наверх, вдохнула свежего воздуха и огляделась.

Унылый двор обычной девятиэтажки в самом центре города. Девушке предварительно засунули кляп в рот, чтобы она не кричала. Но какие-то звуки она все равно же издавала. Мычала, стонала, хрипела. И никто ее не услышал. Никто. Все жители этого дома в тот час, когда ее мучили, убивали, занимались своими повседневными делами: ужинали, пылесосили, смотрели телевизор, разговаривали, слушали музыку, болтали по телефону...

Лиза позвонила Глафире:

— Глаша, привет. Извини, что так рано разбудила. Меня Мирошкин привез на место преступления...

Глафира, не так давно кардинально изменившая свою личную жизнь, выйдя замуж за Дмитрия Родионова, крупного бизнесмена, отца двоих сыновей, но продолжавшая работать вместе с Лизой в адвокатском бюро, внимательно выслушала Лизу.

— Будем работать? — спросила она, и по ее тону Лиза поняла, что Глаша заинтересовалась этим убийством.

— Да я и сама не знаю. Представляешь, в кои-то веки собрались с Димой отдохнуть, а тут вдруг и у него какое-то очень важное дело образовалось, он мне вчера вечером сказал, и теперь вот Серега просит меня помочь. Знаешь, у него нюх на такие, казалось бы, безнадежные дела. Словно чувствует он, что в одиночку не потянет. Ты знаешь, я всегда рада ему помочь, тем более что и он нам оказывает прямо-таки неоценимые услуги. Но когда-то ведь надо и отдохнуть! Словом, накрылся мой отдых, Глашенька. А у тебя-то как дома? Все нормально?

Глаша в двух словах рассказала о том, что сейчас в их доме гостит двоюродная сестра мужа, Надя, бездетная, одинокая и очень славная женщина, которая с радостью присмотрит за детьми, покормит их, отвезет в школу и в детский сад. Что она, возможно, некоторое время поживет вместе с ними, осмотрится, может, подыщет себе работу, а если нет, то останется у них вместо няни.

— Главное, — сказала напоследок Глафира, — чтобы ей у нас понравилось, чтобы она не заскучала. А так, характер у нее прекрасный, она уживчи-

вая, спокойная, доброжелательная. Если все сложится, я смогу спокойно работать, понимаешь?

— Понимаю, Глаша, я все понимаю. Сейчас официальная часть в подвале закончится, все разъедутся, и вот тогда мы поработаем, попробуем отыскать, как бы это помягче выразиться, незамеченные «профессионалами» улики...

Вылезли на свет божий из подвала, отряхиваясь и жмурясь от бледного утреннего солнца, и прокурор с Мирошкиным. Сергей подошел к Лизе. У него был вид человека, которого только что незаслуженно оскорбили.

— Ну что там еще? Что Герман говорит?

Герман Туров, судмедэксперт и друг Мирошкина, в это утро выглядел лишь чуть получше жертвы, которую осматривал.

— Махмурлук?

— Махмурлук, — ответил Мирошкин.

Лиза рассмеялась. Это смешное слово она увидела из Интернета, в переводе с турецкого оно означало глубокое похмелье.

— Только бы он не запил, как известный Чайкин... — вздохнула Лиза, имея в виду талантливейшего Геру Турова.

— Он осмотрел ее, изнасилования не было, это точно. Ее просто избивали. Но не просто для того, чтобы убить, а именно, чтобы причинить боль. Возможно, этот мерзавец и не предполагал, что она не выдержит побоев. То есть если бы он хотел ее убить, то сделал бы это как-то иначе.

— Пытался, вероятно, что-то у нее узнать?

— Возможно. Но это и не садист, точно... Скорее всего, какой-то пьяный идиот, который от нее чего-то хотел. Вот где-то я ее уже видел, честное слово! Но если у тебя она ассоциируется с кастрюлями, то у меня — с мороженым.

— Что нашли?

— Следы обуви на полу. Но ты сама видела, какой там пол — труха какая-то, грязь... Там мог ходить кто угодно. Рядом со стулом тоже полно следов. Но там же этот гном ночью топтался, пока не уgomонился и не пристроился в углу на каких-то картонках. Ни пуговиц тебе, ни окурков. Разве что отпечатки пальцев на стуле.

— Посмотрим. Знаешь, у меня есть предложение. Пока Глафира сюда доберется, мы могли бы, к примеру, попросить полицейского покараулить подвал, а сами бы в это время сходили куда-нибудь выпить по чашке кофе, а? Ты как?

2

То, что она затеяла, ей и самой казалось бредом, чем-то ненормальным. Но, с другой стороны, существовали знаки судьбы, которые словно подсказывали ей, что надо делать, как себя вести. Как если бы на великой чаше весов справедливости стрелка качнулась в сторону счастья и покоя.

Слишком уж много ей пришлось пережить за всю свою не такую уж и длинную жизнь. Трид-

цать пять лет — не такой возраст, чтобы замуровать себя на работе или дома. Надо жить, наслаждаться всем тем, что прежде было ей недоступно по разным причинам.

Что-то произошло в ее сознании, не сломалось, а словно бы наоборот: в душе расцвел пышный розовый куст. Он сладко благоухал и предлагал ей оглядеться по сторонам и увидеть мир другими глазами. Все вокруг — и весенний ветер с запахом утреннего дождя и пробуждающейся листвы, и чистые бледно-голубые облака, которые она рассматривала теперь с каким-то особым чувством, словно причащаясь к самой Вселенной, — шептало ей о любви, толкало в спину: мол, иди, распахни свое сердце тому, кого ты любишь, и никого не бойся! И когда же, как не теперь, воспользоваться сложившимися обстоятельствами и тем состоянием души, чтобы соединиться с женщиной, который вот уже несколько лет снится тебе, который лишь во сне целует твои холодные, ставшие почти бесчувственными губы, обнимает тебя за талию и привлекает к себе, чтобы утопить тебя в своей нежности...

...Валентина очнулась.

Она сидела в ресторане «Кабанья голова»,ковыряла вилкой какой-то сложный салат из перепелов с черешней и смотрела на пылавший в камине огонь.

Припозднившаяся весна еще не принесла тепла, и по вечерам было прохладно. Поэтому в каминном зале ресторана, словно по зимней, уютной привычке растопили камин, и теплые блики огня сверкали на хрустальном графине, фужерах с вином. Оранжевые огненные фигуры танцевали и на стенах, украшенных охотничьими ружьями, старинными пистолетами, чудовищно страшными, выполненными доморощенными таксидермистами чучелами животных и птиц. Было и тепло, и холодно одновременно. Почему-то стыла спина, как если бы за ней, зацепившись за зародыши крыльев, тянулись заледеневшие кадры из ее прошлой невеселой жизни, полной стыда, унижений и одиночества.

И, хотя оглядываться не хотелось, она всегда помнила о том, что ее прошлое — это такая же часть жизни, как и та, что привела ее в этот дорогой ресторан, в теплых декорациях которого она собиралась разобраться со своим счастьем. И прошлое свое она должна любить, потому что это — пусть и умершие, но ее чувства, ее мысли и надежды.

Казалось, не так давно она подобрала с улицы красивого парня с красивым именем Максим. В нем все было максимально прекрасно. И непонятно было, почему же его выгнала жена.

Он стоял на обочине дороги, в самом центре города, одетый не по погоде (была осень, лил холодный дождь) в джинсы и тенниску, и пытался поймать машину. Валя, возвращавшаяся в это

время с работы, притормозила, пожалела парня да и привезла к себе. В душу не лезла, отпаивая его горячим бульоном и коньяком. Одеда его в свой свободный бесполоый свитер, домашние фланелевые штаны, дала пуховые носки. Грейся, бедолага.

Неделю в постель свою его не пускала. Заботилась — ненавязчиво, вопросов не задавала, чувствовала, что он сам все расскажет. Выяснилось, что он потерял работу, в доме был скандал, и жена выгнала его, сказала, что с таким характером, как у него (имелись в виду его мягкотелость, уступчивость и еще куча прекрасных немужских качеств), он не имеет права считать себя семьянином, что ему нельзя доверить детей, которые, того и гляди, с голоду умрут. Накрутила себя девочка, подумала Валентина, с тоской разглядывая чужого мужа и едва сдерживаясь, чтобы не дотронуться до него, понять, что он ей не приснился, что этот мужчина, безжалостно выброшенный на улицу женой, теперь живет в ее квартире и спит всего лишь в нескольких метрах от ее кровати.

Он называл себя, живя у нее, домашним животным, ни на что не способным, слабым и никому не нужным. Лениво так занимался самобичеванием. Валентина же, сгоравшая вот уже несколько лет от любви к другому мужчине, и тоже женатому, который был одним из ее строгих начальников и которым она любовалась в течение всего рабочего дня и даже больше (в те дни, когда

она тайно следила за ним после работы), начала спрашивать себя: может, ей стоит воспринять Максима как знак? Такой породистый, роскошный знак судьбы: мол, съешь его, Валя, возьми его, сделай из него мужа, нарожай ему детей?..

Искать работу Максим не торопился. Все сидел дома, чистил картошку, пылесосил, читал книги, валялся на диване перед телевизором, бегал за продуктами в соседний супермаркет, выносил мусор. Проснувшаяся в Валентине женщина посмеивалась над этим набравшим мужскую силу самцом. Пусть, думалось ей, он сначала выберется из депрессии, позволит пробудиться своим здоровым желанием, а там видно будет. Или вернется к жене, или...

Она ни на минуту не забывала о том, что старше его, что совсем некрасива (время от времени сама жизнь, в лице жестоких подруг или даже мужчин, напоминала ей об этом), что у нее мало шансов...

А красота женщины играет в жизни любого мужчины чуть ли не самую важную роль...

...От воспоминаний ее отвлекла молоденькая официантка, подошедшая к ней с вопросительным выражением лица.

— Девушка, мне пятьдесят грамм коньяку и лимон. Остальное, как я и говорила, после того, как подойдет мой гость, — сказала Валентина то-

ном, которому удивилась сама. Еще не так давно она была другим человеком и просто не посмела бы так разговаривать с официантами. Возможно, она и произнесла бы те же слова, но совершенно другим тоном. Как же она изменилась — внешне и внутренне.

Она вновь погрузилась в свое прошлое, и остальную часть воспоминаний, связанных с Максимом, память пронесла перед ее мысленным взором вихрем отвратительных сцен: начиная от постельной, первой и последней, когда все прошло пошловато-неуклюже, как это бывает, когда мужчина вдруг превращается в животное, и заканчивая еще более мерзкой картиной появления на арене действий жены Макса. Худенькая маленькая женщина взорвала тишину ночной квартиры наглыми пронзительными звонками и, когда Валентина открыла ей дверь, спросонья не поняв, кто потревожил их в столь поздний час, ворвалась в дом и с криком: «Где эта скотина?!» — прямиком, словно уже много раз бывала здесь, направилась в спальню. И там, выудив из теплой постели муженька, взашей погнала его к двери, бросая ему в спину комки по-хозяйски ловко собранной в спальне одежды. Максим, спросонья вращая глазами и еще не успев решить, радоваться ли ему возвращению в семью или нет, выглядел жалко: полуголый, растрепанный, с идиотской улыбкой на лице.

Последней каплей послужили суетливые поиски кед. Эта маленькая злая женщина, вывалив из обувной тумбочки в прихожей всю обувь, с каким-то наглым остервенением принялась искать мужнины кеды, в которых он был, когда она выгнала его из дому. Бормоча про себя: «Господи боже мой, и к какой же уродине прилепился, сучий потрох!» — она выволокла зимние сапоги соперницы и «воровки» из самого угла тумбочки, отшвырнула их в сторону, сильно ударив при этом стоявшую поодаль Валентину, одетую в ночную сорочку.

Через мгновение этот же роковой сапог кремового цвета с острым тонким каблуком обрушился на голову официальной владелицы Максима, после чего та, взвизгнув, принялась орать, обзывая потерявшую контроль над собой Валентину самыми последними словами, наиболее мягкими из которых были выражения «наглая стерва» и «старая корова».

В подъезде между тем содрогались перила — это Максим, перескакивая через ступени, словно напрочь забыв о существовании лифта, бежал, летел прочь — то ли от оскорбленной в своих самых лучших чувствах Валентины, то ли от расвирепевшей супруги, но, скорее всего, от самого себя — безвольного, никчемного мужичонки, единственным достоянием которого была смазливая физиономия да еще кое-что, данное ему

природой, но чем он к своим тридцати с небольшим годам так и не научился правильно пользоваться.

Поглядывая на малиновую портьеру, закрывавшую густыми складками арку, откуда появлялись посетители ресторана, Валентина уже несколько раз внутренним взором видела знакомый силуэт и даже вздрагивала, словно это был реальный человек, а не продукт ее разыгравшейся фантазии. Но он, мужчина ее мечты, обитатель ее волшебных снов, был пунктуален (это она знала, поскольку каждый день сталкивалась с ним по работе), стало быть, должен прийти через пятнадцать минут, не раньше. И эти пятнадцать минут ей надо как-то прожить, нет — пережить, чтобы встретить его достойно, с гордо поднятой головой, а не в виде раскисшей от собственной растерянности и неуверенности женщины.

Предложение, которое она собиралась ему озвучить, представляло собою продукт деятельности больного мозга. Так, во всяком случае, он наверняка подумает, едва услышит его. А может, и скажет ей это вслух. И, не притронувшись к вину, а тем более — к закускам, встанет, вертя головой, чертыхаясь про себя и разводя руками — мол, что же это такое творится, меня окружают одни психопаты, — быстрым шагом покинет ресторан. На самом же деле то, что она собиралась ему предложить, было не что иное, как тщатель-

но обдуманное, с горьким привкусом отчаяния, желание быть счастливой. И если он умен, каким он ей представляется, и добросердечен, то непременно поймет ее, и пусть не согласится принять ее предложение, но хотя бы проведет с ней этот вечер. Единственный вечер. Что же касается того, что, поджидая его и нервничая, она вспоминала свою постыдную связь с Максимом, так одно не вышло бы без другого... И если бы в ту жуткую ночь, когда она, не помня себя от злости и унижения после того, как ее обозвали старой коровой, не выбежала из дома и не приняла бы решение — все бросить и уехать, — разве сидела бы она сейчас здесь, смотрела бы с надеждой на эту малиновую портьеру?..

Она достала из сумочки пудреницу, открыла ее, звонко щелкнув. Ей нравилось, что в этом круглом увеличительном зеркале она видит что-то одно — свои глаза, например, или губы. По отдельности. Красивые длинные глаза изумрудного цвета и полные, красивой формы губы. Все остальное, чем она владела, Господь явно сделал впопыхах. Или наоборот — засыпая на ходу. Думая так, она всегда представляла себе смешного, с добродушной миной, Создателя с рисунков Бидструпа, который лепит из божественного материала женщину. Засмотревшись на пролетавшего мимо ангелочка, он чрезмерно удлинил ее лицо. В особенности из-за его рассеянности пострадал

и крупный, словно недоделанный, забытый Создателем нос и оставленный Им в созерцательной задумчивости высокий лоб. А вот уши получились, наоборот, слишком маленькими, изящными, красивой формы, как если бы над ними потрудились с особым, божественным вдохновением. О теле можно было и вовсе забыть, как забывают детей-уродцев в родильном доме или подбрасывают их в приют. Нескладная фигура, широкие плечи, плоская грудь, узкие бедра, худые ноги — Господь явно спешил, лепил как мог, забывая, вероятно, время от времени, кого именно он творит — женщину или мужчину.

Хорошо, что женщина получилась хотя бы высокая, с горькой усмешкой думала о себе Валентина, покупая обувь на высоком каблук, понимая, что именно каблук обладает каким-то волшебным свойством преображать фигуру, делать ее более женственной. При этом меняется осанка, да и грудь как будто увеличивается, а бедра, наоборот, немного раздаются и покачиваются при ходьбе...

— Валентина? Добрый вечер.

Она вздрогнула, словно ее коснулись электрошокером. Медленно поворачивая голову, она молила бога о том, чтобы этот голос принадлежал уже реальному Игорю Абросимову, а не призраку.

— Добрый вечер, Игорь Николаевич, — она с трудом заставила себя не вскочить, а сдержан-

но поздороваться со своим начальником. Предложить ему руку для поцелуя она не решилась, понимая, что этим театральным жестом может лишь только все испортить. Зато он, словно оценив ее, роскошную и нарядную в этот вечер, сам склонился и поцеловал ее руку.

Строгий костюм, белоснежная сорочка, грустная улыбка.

— Валентина, вы сегодня очень хорошо выглядите, — сказал он, улыбаясь одними губами. Серые глаза его были печальны.

— Спасибо.

— Скажу сразу, чтобы все прояснить, — неожиданно начал он, лишая ее возможности первой объяснить истинную причину этой опасной затеи, — я пришел сюда не потому, что вы заинтриговали меня желанием рассказать мне о том, что вытворяет за моей спиной наш уважаемый шеф — это его игры, и я хотел бы остаться в стороне. Просто в последнее время у меня нет ни одной свободной минутки, я вообще забыл, когда отдыхал. Да и обедаю я в нашем кафе, ну, вы знаете, за углом, где отвратительно кормят, и не завтракаю совсем, мне моя секретарша варит кофе, и хорошо, если она купит рогалик... На ужин же у меня в последнее время одни замороженные пельмени, а пообедать в ресторане в одиночестве мне как-то не приходило в голову. А тут... ваше предложение.

Валентина, нервно щурясь, молча слушала его объяснения.

— Словом, я просто решил провести этот вечер в спокойной обстановке, с дамой, поужинать, расслабиться... Я приехал на такси, поэтому могу и выпить. Или вообще напиться, — и снова эта странная, пробирающая до слез, убийственная улыбка.

Его густые каштановые волосы блестели от обилия ярко горевших электрических факелов, которыми были украшены стены ресторана. Валентина мысленно провела рукой по его волосам, задержалась на бледных щеках. Кожа была гладкой, теплой.

— Давайте сначала выпьем, а потом я расскажу вам, зачем я вас сюда пригласила, хорошо? — Ее голос тоже звучал как-то неестественно. — Через минуту нам принесут салат, потом горячее... Я не знаю ваших вкусов, поэтому рискнула и заказала то, что люблю сама. Думаю, вам понравится...

— Все равно... Честно говоря, я ужасно голоден.

Подошла официантка, разлила вино и отошла, пробормотав: «Через пару минут все будет готово». Игорь Николаевич поднял свой бокал:

— Ну что ж, Валентина, выпьем за вас.

— За меня?

— Ну не за меня же... Оставайтесь всегда такой же немного странной, задумчивой, красивой...

Он прикрыл глаза, и Валентина подумала, что он ее явно с кем-то спутал или же проговорил все это по инерции, обращаясь к Женщине вообще. Подумала, но промолчала, не стала комментировать. Зазвенели бокалы, они выпили.

— Хорошее вино... что это у нас?

— Не знаю, я сказала, чтобы принесли самое хорошее красное вино.

— Знаете, я тоже не особый знаток вин, но, по моему, это вино превосходное.

— Игорь, можно я буду вас так сегодня звать? Только сегодня? — Она замерла, опустив голову, словно готовясь к казни. Ей вдруг стало невероятно стыдно и страшно. А что, если, вдруг подумалось ей, взять и сбежать, ничего не объясняя? А утром написать заявление об увольнении. И все!

— Хорошо. Валентина, так что случилось?

— Значит, вас все-таки интересуют делишки вашего шефа? — нервно хохотнула она.

— Говорю же — к ним я не имею никакого отношения. Разве что он собирается меня за это самое и уволить? Вам что-нибудь известно об этом?

— Нет. Я вас обманула. Просто заманила сюда. Недолго думала, как именно сделать так, чтобы вы оказались заинтригованы и не отказались встретиться со мной... И вот — выдумала. На самом деле мне абсолютно ничего о нашем шефе не известно. Вы очень нравитесь мне, Игорь Николаевич. Я понимаю, что шансов на взаимность у меня нет и не будет...

Она вдруг увидела себя со стороны и как будто даже услышала свой голос, доносившийся откуда-то издалека. Грустный и отчаянный.

С элементом предчувствия смерти. Так, как она, ведут себя люди, знающие наверняка, что скоро умрут. Вот они и пытаются перед смертью насладиться призрачным счастьем.

— Я знаю, что полгода тому назад вы развелись со своей женой, — вот теперь ее голос зазвучал даже как-то деловито, решительно, — что она ушла от вас. Вернее, никуда-то она как раз и не ушла и продолжает жить с вами под одной крышей. И что тот мужчина, на которого она вас променяла, — простой врач-офтальмолог, которому негде жить. Он поселился в вашей квартире, и теперь они вам оба треплют нервы... А вы ничего не предпринимаете, потому что вам попросту некогда. Да и дома вы бываете только ночью... Так?

— Да вы, оказывается, хорошо обо всем этом осведомлены.

— Все об этом знают. Вероятно, вы уже давно присмотрели квартиру, чтобы снять или купить ее, я не знаю... Но пока что еще никуда не переехали. Я следила за вами. Знаю приблизительно все ваши маршруты — с работы домой или в ближайший супермаркет, аптеку...

— Валя, чего вы хотите?

— У меня дом большой, — вот теперь она говорила очень быстро, глотая слова. — В Зоналке. На берегу реки. Очень большой дом. Красивый. Я понимаю, что скажу сейчас глупость и что вы, услышав это, подумаете, что я не в себе... Но я в

полном порядке. Вернее, нет, не так. Я не в порядке. Даже совсем... Мне очень страшно там одной жить. У меня к вам деловое предложение. Вы не могли бы переехать ко мне? На год? Понимаю, это не так близко от нашей работы, но у нас же есть машины... Там чудесное место... очень красивое, а из спальни открывается вид на Волгу... На заливы, острова... Я готова заплатить вам, чтобы вы только переехали ко мне...

— Валентина, что вы такое говорите?! — Абро-симов опустил бокал. Откинулся на спинку стула и посмотрел на нее, нахмутив брови. — Может, я чего-то не понял? Вы предлагаете мне пожить у вас — или с вами?

— У меня. И... со мной...

— Как квартирант?

— Не совсем... Я заплачу вам сто тысяч евро за то, чтобы вы жили со мной...

— Сколько-сколько?.. — Он тихо, но не зло, засмеялся.

— ...чтобы вы жили со мной как если бы мы были муж и жена! — выпалила она.

Брови его взлетели вверх.

— Ну, то есть... — Она растерялась, и все слова, которые она копила, готовясь к этой встрече, разлетелись, растворились в ресторанных музыкально-шелестящих звуках.

— Вы хотите мне, еще не остывшему от брака человеку, объяснить, что это такое — жить как муж и жена? — продолжая улыбаться, сияя

какими-то уже невероятно веселыми глазами, переспросил Абросимов, и Валентине стало еще страшнее. Ее даже затошнило. Мысленно она уже писала заявление об уходе и собирала вещи, чтобы уехать к маме, подальше от этого проклятого города...

— Все, кроме интима, — выдала она самое важное, что приберегла напоследок, густо при этом краснея. — Мы будем вместе завтракать, разговаривать, ездить на работу и с работы, обедать, ужинать, устраивать пикники, гулять, совершать какие-то поездки — словом, жить... вместе...

— Вы что, больны? — вдруг тихо, внимательно глядя ей в глаза, спросил Игорь Николаевич.

— Вы имеете в виду — психически?

— Да нет... ну... Извините, может, у вас онкология, и вы... Как бы это сказать... решили напоследок...

— Нет-нет! Я абсолютно здорова. Совсем. Просто годы идут, и я патологически несчастлива. Я... влюблена в вас, — она вздохнула и даже как-то невзначай всхлипнула. — У вас — своя жизнь, и вы, понятное дело, не обращаете внимания на меня... Да и на работе-то мы пересекаемся нечасто... Я бы хотела видеть вас рядом с собой. Вы не подумайте, я не собираюсь покупать вас! Я только предлагаю разделить со мной один год вашей жизни. Чтобы глаза мои наслаждались вашим обликом, уши мои слышали бы ваш голос... Я хочу лишь немного счастья. А поскольку у вас

есть своя жизнь, какие-то свои принципы, привычки... Словом, эти деньги я предлагаю вам как бы за беспокойство... Господи, ну я не знаю, как это все сказать, выразить словами!..

— Но это очень большие деньги... Откуда они у вас? Это же почти четыре миллиона рублей!

— Да у меня и нет этих денег... — Слезы хлынули, побежали по щекам, закапали на скатерть. — Просто ровно столько стоит моя квартира в городе... Так уж мне повезло, что мой отец был здесь не последним человеком и сумел позаботиться о семье... В сущности, это обычная квартира на Набережной, разве что большая и хорошо отремонтированная.

— Послушайте, Валя, вы вообще-то понимаете, о чем говорите?!

— Вот, я так и знала, что вы подумаете обо мне плохо... Но я не знала, как еще, чем я могу заинтересовать вас? Как сделать так, чтобы вы согласились? У вас нет своей квартиры, и когда еще вы ее купите, а так... Пожили бы на свежем воздухе... на Волге. Может, вы рыбалку любите...

— Люблю рыбалку... Я очень люблю рыбалку. Господи, Валя... — Он продолжал смотреть на нее недоуменным взглядом, все еще не веря тому, что услышал. — Неужели такое еще возможно?! Это же надо — на такое решиться... Мы же совсем не знаем друг друга...

— Ну и что?! И что? А вы представьте себе, что снимаете у меня дом или комнату. Многие так жи-

вут, совершенно чужие люди, — бок о бок. Но я, понятное дело, конечно же, не хочу, чтобы вы были моим квартирантом. Я же вам все объяснила...

— Значит, пикники, завтраки, беседы... Нет, вы уж извините меня, Валя, но я так не могу...

— Хорошо. Тогда и вы извините меня. Просто поужинаем... — Она, пылая от стыда, как-то вся подобралась, салфеткой утерла слезы, вздохнула. — Вон и ужин несут...

3

Приехала Глафира, и они с Лизой еще раз хорошенько осмотрели подвал. Улов их казался весьма скромным: зубочистка, колпачок от помады, фантик.

— С одной стороны, хорошо, что вы меня так рано не разбудили, — сказала Глафира, полненькая энергичная женщина, одетая в удобные широкие черные штаны и тонкий зеленый свитер. Глядя на нее, можно было подумать, что жертва совершенного в подвале зверского убийства и Глаша — две родных сестры, настолько они были похожи «мастью». Белая кожа, рыжие волосы, телосложение. — С другой — кажется, я все пропустила.

— Надеюсь, что рано или поздно им удастся все-таки установить личность погибшей, — ответила Лиза, вертя в руках фантик. — «Белочка». Да кто угодно мог обронить этот фантик. Ребенок

какой-нибудь, забежавший в подвал по каким-то своим детским делам...

— Интересно, и какие это дела могут быть у детей в этом подвале?

— Они могли здесь прятать велосипед, мяч, какие-то предметы, сигареты, я не знаю... Вот лично я, когда была девчонкой, постоянно торчала в подвале своего дома, все выискивала что-то. У нас был старый дом с большим и темным сырым подвалом. Так вот, там была очень старая и, как нам всем тогда казалось, таинственная дверь. Уж чего только мы не фантазировали, представляя себе, что за ней может быть. Ну и потом, мы, конечно, не выдержали и открыли ее. Сорвали замок — били его камнем, выламывали, ужас! Открыли дверь и обнаружили там довольно-таки просторное помещение с полками вдоль стен. А на полках...

— Черепа со светящимися глазницами... — рассмеялась Глаша.

— Нет, не угадала. Там были папки с какими-то документами. Мы открывали каждую папку и, ничего не смысля в цифрах и записях, безжалостно рвали их, представляя себя героями, призванными спасти мир... Короче, натворили мы что-то нехорошее, как я сейчас понимаю. Хотя, с другой стороны, важную документацию вряд ли хранили в подвале старого дома. Разве что какую-нибудь никому не нужную бухгалтерию. Это — о подвале.

— Хорошо. Пусть ребенок развернул тут конфету и бросил фантик.

— Ладно, все это пустое. Что еще? Колпачок от помады. От дешевой помады морковного цвета. И запах отвратительный, помада дешевая и старая. Но цвет — красивый, насыщенный. Думаю, это колпачок от ее помады. Хотя, может, мне показалось, что ее разбитые губы были, помимо крови, вымазаны чем-то оранжевым. Я вполне могла предположить, когда разглядывала ее, что это либо налипшие на ее губы пряди волос, либо блики от этих поистине золотых прядей. Знаешь, у нее совершенно золотые, очень красивые волосы.

— Может, это парик?

— Нет. Я ведь видела ее так же близко, как тебя. Ладно, Глафира, пойдем отсюда. Меня прямо жуть берет, когда я смотрю на этот стул. Обрывки веревки, как ты понимаешь, эксперты взяли с собой. Пусть попробуют что-нибудь определить. И знаешь, меня все это время не покидало ощущение, будто я уже где-то видела эту девушку или молодую женщину. Даже не могу точно определить ее возраст. Тело взрослой, не худенькой маленькой женщины, а лицо... Какое-то детское. Бррр! И все в крови! Все, все, выходим отсюда. Поехали в контору, ты заваришь чай, спокойно поговорим. Денис в прокуратуре?

— Да, звонил недавно, жаловался, что скучает, ничего интересного и полезного он пока еще

не видел и не слышал, считает, что он там просто убивает время.

— Лукавит. Я приставила его к опытному следователю, Андрею Суровцеву. Пока у нас затишье, связанное с тем, что мы как бы решили с Димой отдохнуть, а потому и у вас с ним автоматически получается отпуск.

— Я-то понимаю, но ему там не нравится. Думаю, его просто не берут с собой на сложные, опасные дела, жалеют, может.

— Андрей знает, что делает. Возможно, Денис сейчас занимается документами, подшивает дела — учится, словом. В любом случае это полезнее, чем сидеть за компьютером и пить чай.

— Лиза, по-моему, ты к нему слишком строга. Он за компьютером тоже работал, изучал наши дела, досье, к тому же, если ты помнишь, я познакомила его с Герой Туровым, тот много раз ходил к нему в морг, тоже какие-то записи делал.

— Да-да, я все помню.

Телефон Лизы зазвонил.

— Слушаю. Кто? Ирина? — Она напряглась, словно вспоминая, какая именно Ирина ей звонит, потом вдруг лицо ее просияло, и Лиза улыбнулась: — Ирина, ты, что ли? Да, конечно, не узнала! Ты уж извини. Приходи прямо сейчас! Почему не можешь? Ну, хорошо, давай я подъеду. Куда? Боже, какое гиблое место. Как, ты говоришь, бар называется? «Огинский»? Знаю-знаю. Хорошо, мы приедем. Да, с Глашей. Пока.

— «Огинский»? — переспросила Глафира, очень хорошо знавшая, о каком именно баре идет речь.

Два года тому назад там была убита школьница. Самая окраина города, частные домишки, разбитые фонари, в жилах местных жителей течет кровь зэков, пустивших там корни еще в тяжелое послевоенное время. Поножовщина, пьяные драки, бытовуха, изнасилования, притоны — одни на другом. Один из местных авторитетов купил старый склад и переоборудовал его под «заведение», а поскольку в списке любимых им музыкальных произведений, кроме «Мурки» и «Джанели», значился известный Полонез Огинского, то и свое коммерческое детище он решил назвать так же романтично и неожиданно.

— Кого это еще туда занесло? — спросила Глаша.

— Скоро мы все узнаем. Это Ирина. Я с ней вместе рожала. Ну прямо на соседних родильных столах лежали. Хорошая девчонка. Красивая, умная. Думаю, стряслось что-то, раз она попросила меня приехать именно туда. Если бы она хотела выпить со мной чашку кофе, то встречу назначила бы где-нибудь в центре, так ведь? Или просто приехала бы к нам в контору. Ладно, поехали. Что гадать-то?

— Да в «Огинский» только с пистолетом за пазухой можно ходить.

— Не знаю, отчего ты не носишь пистолет? У тебя, кажется, уже и разрешение есть... Глаша, садись в машину, поехали.

Окраина города издали напоминала протянувшийся вдоль железнодорожного полотна зеленый дачный массив. Яблоневые сады уже отцвели, черешни розовели начавшими поспевать ягодами. Вдоль дороги стояли, словно подремонтированные специально к лету, лоснившиеся свежей краской дома, набухала весенней свежестью, питая засеянные семена, вспаханная под огороды ухоженная земля. Глядя на жителей, занимавшихся мирным сельским тяжелым трудом, трудно было поверить, что где-то здесь как тени бродят настоящие, не пойманные и не признанные еще преступники: убийцы, воры, насильники. Но этот район действительно считался одним из самых проблемных, опасных, скверных, и никакой нормальный человек никогда в жизни не осмелился бы купить здесь жилье, даже за самую символическую плату. Вот поэтому здесь и обитали только коренные жители, которых все знали в лицо и не трогали.

— Глаша, ты что это притихла? Неужели тебе и правда страшно? Да у меня здесь полно знакомых. Правда, не очень-то мне хочется с ними встречаться, но это уж как карта ляжет.

— Ты по тону этой Ирины не могла догадаться, что с ней? Может, ее держат где-нибудь здесь, в притоне? Или вот еще что... Может, стоило бы прихватить с собой отряд спецназа?

— Успокойся, Глафира.

Лиза свернула с шоссе на узкую улочку, проехала несколько метров, свернула еще раз и подъ-

ехала к крыльцу белого оштукатуренного строения с витиеватой черно-белой вывеской: «Огинский». Хозяин заведения, видимо, был настолько музыкален, что первую букву пожелал изобразить в форме скрипичного ключа.

— Ну прямо музыкальная школа, а не пригон, — поморщилась Глафира, вылезая из машины.

Раздался характерный писк — это Лиза включила сигнализацию.

— Представляешь, вот выйдем мы из этой харчевни или трактира, а машины нет, — продолжала канючить Глаша. — Не надо было нам сюда приезжать.

— Глаша, возьми себя в руки. С тех пор как ты вышла замуж за Родионова и стала матерью двоих детей, тебя как подменили. Ответственность чувствуешь, что ли? Если попросишь меня об увольнении — не отпущу, так и знай. Без тебя наша контора захиреет, да мне ее вообще придется прикрыть! Так что давай, ноги в руки — и вперед!

Они поднялись на крыльцо. Лиза толкнула тяжелую дубовую дверь, и подружки оказались в полутемном прохладном помещении, пропитанном запахом старого вина.

Большой ресторанный зал был разделен на две части узким проходом с усталым мягкой красной ковровой дорожкой полом. По обеим сторонам от нее тянулись длинные дубовые столы, почти черные от лака, вдоль которых стояли такие же массивные неподъемные стулья с ковровыми

подушками на сиденьях. По углам зала стояли четыре небольших квадратных столика, покрытых зелеными скатертями, за одним из которых и сидела молодая женщина в черном платье.

— Она на трамвае сюда приехала, что ли? — прошептала Глафира Лизе на ухо, пока они шли к барной стойке. — Машины-то рядом с баром нигде нет.

— Сейчас все узнаем.

Ирина, увидев их, напряглась, даже привстала. Глафира, приблизившись к ней, хорошенько ее рассмотрела. Худенькая блондинка, ухоженная, но в данный момент какая-то слегка растрепанная, растерянная, испуганная. Спешила, видно, ни накраситься толком не успела, ни причесаться. Платье простое, черное, но видно, что дорогое, хорошо сидит. На шее — тоненькая золотая цепочка со скромным крестиком. В ушах серег нет.

Огромные голубые глаза с расширенными зрачками, впитывающими в себя полумрак ресторана.

— Лиза, боже мой, как же я рада, что вы пришли! Здравствуйте, Глафира. Много о вас слышала... Думаю, Лиза вам рассказала, где мы с ней познакомились. Садитесь, пожалуйста. Я постараюсь быть краткой.

Лиза и Глаша сели напротив нее. Подошла официантка, плотная брюнетка с родинкой над губой. «Роза» — значилось на ее бейджике. Креп-

кая деваха, какая-то даже неестественно яркая, красивая, киношная. Ей бы кобуру на пояс да кожаные штаны...

Ирина, перед которой уже стояла пустая рюмка, быстро сделала еще один заказ: водка и два кофе.

Проводив взглядом явно никуда не торопившуюся Розу, Ирина сразу начала рассказывать:

— Значит, так. Мой муж — серьезный человек. У него свой бизнес: мебельные магазины. У него есть партнер и одновременно как бы босс, я уж не знаю точно, какие именно отношения существуют между ними. Я имею в виду, что не совсем в теме, кто кому и на что в самом начале дела давал деньги... Уф... Волнуюсь! Но суть не в этом. Господи, мысли путаются, я так нервничаю... Так вот. Время от времени наш курьер, точнее, перевозчик, привозит из Москвы наличные, крупные суммы, чтобы Миша заказал мебель. У нас прямая поставка из Италии.

— Наличные?! — У Глаши округлились глаза. Лиза незаметно пнула ее под столом ногой.

— Да. И вот до недавнего времени все было хорошо. Миша накручивал на этой мебели хорошие проценты, его партнер в Москве занимался своими магазинами, временами они каким-то образом выручали друг друга, взаимно оплачивая счета... Все это я знаю, понятное дело, из обрывков их телефонных разговоров, из случайно услышанных фраз. Миша с самого начала мне ска-

зал: он не желает, чтобы я совала нос в его дела. Хочет, чтобы занималась хозяйством, ребенком. Он хороший человек, добрый, да только вот очень нервный. Часто кричит беспричинно, правда, потом извиняется, покупает мне подарки, стараясь загладить свою вину. И я понимаю его: у него работа нелегкая, все-таки бизнес. Я-то очень далека от всего этого. Господи, я все не о том! Самое главное. Вот. Перевозчика ограбили! Когда именно это произошло, я так и не поняла. Может, месяц тому назад, может, пару недель прошло. Он вернулся из Москвы с деньгами — у него с собой было, страшно произнести, один миллион двести пятьдесят тысяч евро. Согласитесь, крупная сумма денег. Причем наличных. Повторяю, мой муж — человек взрывной, можно даже сказать, бешеный! Знаю, что он чуть не придушил этого парня. Его зовут Дмитрий Ремизов.

— Ограбили? — переспросила Лиза. — И как же это произошло? Не знаешь?

— Знаю. Он вышел из самолета, сел в свою машину, которую оставлял на стоянке, отъехал не так уж и далеко, и тут его тормознули работники ГИБДД. Вернее, переодетые в них бандиты. Кажется, их было двое. Перевозчик вышел из машины, его отключили электрошокером, забрали деньги и оставили парня на дороге. Это все, что мне известно.

— Ты хочешь, чтобы я нашла эти деньги? — без тени иронии спросила Лиза, оценивая сте-

пень тяжести этого преступления и сочувствуя подруге.

— Объясню. Понятное дело, муж все это время не бездействовал. Думаю, он уже к кому-то обратился, я слышала, как он договаривался с кем-то очень серьезным и важным о встрече. Но время идет, ничего не происходит, никто и ничего не нашел, разумеется... И вся эта ситуация превратила нашу семейную жизнь в самый настоящий ад! Миша впал в глубочайшую депрессию, он кричит на меня, на ребенка... Ругается, когда ребенок плачет ночью, его все раздражает, понимаешь? Мне вообще страшно находиться дома. Я понимаю, что Миша никогда не поднимет на меня руку и даже не замахнется, но ты бы видела его глаза... Они наполнены болью, понимаешь? Ему страшно. Возможно, эти деньги... Словом, иногда мне кажется, что у него долги. И он попросил у партнера эти деньги или у друзей партнера.

— Он торгует мебелью, говоришь?

— Да. Итальянской. Дорогая, красивая мебель, — Ирина вздохнула, достала сигаретку, закурила, затянулась. — А что, если его убьют из-за них? Или наоборот — он убьет этого Ремизова? Или уже... сделал с ним что-нибудь? Хотя нет... Вряд ли. Если бы он его прибил, то не матерился бы на него каждый день, а так — вроде бы он еще живой...

— Почему он сам не пришел ко мне?

— Да что ты?! — замахала руками Ирина. — Откуда ему знать о твоём существовании? Вер-

нее... Нет, извини. Я не то хотела сказать. Просто, думаю, он вообще женщинам не доверяет. У него какие-то свои люди есть. Может, в прокуратуре, может, еще где-то.

— Ирина, чем я могу тебе помочь?

— Выясни, пожалуйста, заведено ли официально дело о грабеже? Занимается ли кто-нибудь этим? Жив ли этот парень-перевозчик? Может, у тебя есть знакомые, которые за деньги смогут найти людей, переодевшихся в этих гибэдэдэшников? Словом, помоги мне, придумай что-нибудь! Миша не должен знать, что я встречалась с тобой и что я вообще как бы в курсе всего этого дела. Но я вижу, что он страдает, и решила, зная о твоих способностях и связях, тоже как-то помочь ему. Думаю, чем больше людей будут искать преступников, тем лучше. Ты, во всяком случае, сможешь держать меня в курсе дела. Я понимаю, что все это стоит денег, поэтому принесла двадцать тысяч евро. Это все, что у меня есть. Конечно, если дело сдвинется и ты по-настоящему впряжешься в расследование, то я найду еще средства. Продам кольцо, еще кое-что...

— Ирина, успокойся, — мягко остановила ее Лиза. — Пока что я и без всяких денег попытаюсь тебе помочь, что-то выяснить. А там уж видно будет. Но для начала мне нужна вся информация о твоём муже, о его фирме.

— Да-да, я все приготовила. Написала, вот... — Ирина достала из сумочки лист бумаги и протя-

нула его Лизе. — Вот, тут и паспортные данные Миши, и наш адрес, телефоны, посмотришь.

— Почему вы выбрали для встречи именно это место? — спросила, не выдержав, Глафира. — И на чем сюда добирались?

— У меня мама здесь живет. В двух шагах отсюда. Я приехала на автобусе. Уж не знаю почему, но мне почему-то кажется, что за мной следят... Возможно, те люди, которых нанял мой муж, отрабатывают все версии, то есть они могут подозревать и меня. Сегодня рано утром я на машине приехала в стоматологическую клинику и сразу же вышла из нее через черный ход. У меня там подруга работает, вот она мне и помогла. То есть я как будто оторвалась... Прямо как в кино! Вышла, села в автобус и приехала сюда, к маме. Хорошо, что она ничего не знает. Живет себе спокойно, в огороде возится, курочек кормит... Знаешь, когда закончится вся эта история и все мы, дай бог, останемся живы, я попрошу Мишу купить дом подальше от города, в каком-нибудь тихом месте, будем там жить втроем. Знаешь, сказала я сейчас это, и сердце почему-то сжалось... Честно говоря, я вообще не верю, что эти деньги когда-нибудь найдутся, ведь те, кто так дерзко их украл, — наверняка профессионалы. И что тогда делать — не знаю. Не думаю, что наша квартира и все наши машины столько стоят. Разве что мебелью расплачиваться? Но как эту мебель превратить за короткий срок в день-

ги — я тоже не представляю... В общем, такая вот история, Лиза.

— Хорошо, поработаем, — пожала плечами Лиза, вертя в руках густо исписанный листок. — Значит, твой муж — Михаил Тайлер.

Послышались легкие шаги, запахло кофе.

— Да, кстати... Познакомьтесь, — Ирина ласково взглянула на приблизившуюся к ним с подносом жгучую брюнетку с родинкой над губой. — Моя родная сестра, Роза.

Роза неожиданно дружелюбно, широко, показывая красивые зубки, улыбнулась.

Вернувшись к машине, Глафира возмущенно сказала:

— Что она вообще о себе думает? Дело на миллион с лишним евро, а она предлагает тебе какие-то двадцать тысяч? Понятное дело: там поработали профессионалы. Да тут столько работы... Всю криминальную армию города надо поднять на уши, узнать, кто заказчик и куда ушли денежки.

— Глаша, успокойся. Ведь она-то хочет только понять, ищут ли этих гаишников или нет, то есть прояснить эту ситуацию как бы изнутри, через своих. Ведь, если выяснится, что официального расследования нет, то есть Тайлер не обращался в полицию, значит...

— ...значит, и денежки эти — криминальные, и он не хочет светиться. А с другой стороны, у полиции как бы больше возможностей. Вот он и

мечется, не зная, к кому обратиться, чтобы деньги эти все же нашлись.

— Вот именно. Поэтому для начала надо бы нам съездить к этому Тайлеру в гости. Ну или хотя бы посмотреть, какую такую золотую мебель он продает, которая может стоить таких огромных денег.

4

Он открывал, закрывал глаза, зажмуривался крепко, но страшная картина того, что он совершил, не исчезала. Наоборот, она при каждой его попытке растворить ее в памяти наливалась все новыми зловещими оттенками — от кроваво-красного до густо-черного, и, наоборот, вдруг все начинало переливаться темно-оранжевым... Таким цветом, какого были ее волосы.

Он никогда больше не сможет подойти к женщине с оранжевыми волосами, заговорить с ней. Потому что та, которую он оставил в подвале, никогда не исчезнет из его жизни и всегда будет смотреть на него глазами других — живых, пышущих здоровьем — женщин.

Как же причудлива и хрупка жизнь, как же невероятно легка и неожиданна чужая смерть!

Он смотрел на свои руки, которые, как ему казалось, все еще продолжали гудеть от ударов, и вспоминал то свое удивление, когда, ударив один раз ее по лицу, испытал потребность ударить еще раз по этим мягким розовым щекам, по этому

гуттаперчевому мягкому кукольному носу, из которого сначала брызнула, а потом хлынула кровь. Алая густая кровь...

А ведь он не садист и никогда им не был. Никогда прежде не бил никого, и тем более женщин. Что же с ним произошло? И как так вышло, что он не знал себя? Не знал, на что может быть способен?!

Это ее жалкое лицо с детскими припухлыми щеками, с губами, перемазанными жирной оранжевой помадой, и с маленькими глазками с гладкими и натянутыми, как у японок, верхними веками... Слезы, сопли, слюни, когда она, давясь ужасом и рыданиями, клялась и божилась, что ничего не знает! Просила пощадить ее, оставить в живых. Он не верил ей, потому что знал — она лжет.

А еще его раздражало, что ее передний зуб был обломан. Молодая баба, ходит по ресторанам, пьет текилу, зажевывая ее лимоном, улыбается мужикам и при этом как-то похабно демонстрирует им огромную некрасивую щербину — обломок зуба...

Чучело чучелом.

Он не помнил, как тащил ее в подвал. Они вышли из машины, она улыбалась во весь рот, щерилась, и ветер трепал ее богатые, густые, похожие на парик волосы. Вероятно, она была счастлива в тот момент тем, что на нее обратил внимание молодой мужик, ведет ее к себе на хату. Пыталась еще там, в такси, читать какие-то сти-

хи. Точно, дура. Ничего-то не предчувствовала, ничего не боялась. А ему захотелось прямо там схватить ее за горло и душить, душить до тех пор, пока у нее не хрустнет шея, пока на лбу этой безмозглой дуры не появится испарина, пока плотные ее розовые щеки не треснут от жира...

Он открыл глаза. Белый потолок. Тишина. Он лежит в своей комнате на кровати. На несвежем белье. Кто бы постирал... Кто бы пропылесосил... Кто бы сварил кофе или принес ему чистые носки хотя бы.

Вся его счастливая жизнь постоянно откладывалась на потом. И это его прекрасное будущее всегда рисовалось ему, конечно же, не в виде тесной квартиры с обоями в цветочек, с продавленной тахтой, в центре которой на фланелевой пеленке гукает его первенец, в то время как жена гладит распашонки (что представляло собой зрительную кальку жизни его родителей и его самого в детстве), а почему-то в образе белой террасы, залитой солнцем, и прекрасной женщины, сидевшей в кресле с закрытыми глазами и курившей сигарету. Декорации его мечты носили явно средиземноморский и, несомненно, дерзкий характер, и где-то поблизости от этой террасы, в недрах большого белого дома, который еще не придумался до конца из-за его скудоумия, располагались призрачные кухни и столовые с накрытыми столами, с полными хорошей выпивки барами, с

широкими кроватями, с прозрачными окнами, открывавшими вид на голубое море. Где-то в его подсознании существовала, лоснясь жирными дорогими боками и хромированными деталями, машина, она прямо-таки сияла под испанским ли, итальянским ли жарким солнцем и грела его душу.

И все это было очень даже близко, возможно, реально, если бы не эта сука, эта рыжая, эта оранжевая тварь, по пьяни согласившаяся принять участие в этой подлости, в этой грязной и опасной авантюре, затеянной такой же идиоткой, как и она сама. Возможно, она поначалу и ведать-то ничего не ведала о том, что творит ее подружка. Просто отвлекла второго лишнего, то есть его, позволила ему умыкнуть себя, тепленькую, из ресторана в гостиничный номер, уложить в койку, зная о том, что за все за это подружка отстегнет ей приличную сумму. То есть, по сути, ей и делать-то ничего не пришлось. Просто провела дамочка чудный вечерок с шампанским и икоркой, переспала с молодым парнем (правда, этот момент на самом деле он почему-то не помнил, может, и не было ничего?!), да и заработала себе на «двушку» в Заводском районе.

А утром, ополоснув мордочку и почистив гнилые зубки в гостиничном номере, она выскользнула оттуда, чтобы встретиться с подельницей.

У него кулаки сжимались, когда он представлял себе, как эти две твари выбегают, цокая каб-

луками, на крыльцо гостиницы, как сбегают по ступенькам, садятся в приготовленную еще с вечера машину, как бросают сумку, набитую деньгами, на заднее сиденье машины и... Машина. «Ока»! Язык не поворачивается назвать эту таратайку машиной. Не зря же народ метко прозвал ее «капсулой смерти». И покатили девчонки, как им казалось, на море. У каждой в кармане — по железнодорожному билету Саратов — Адлер. Вот только одна из них, маникюрша, до моря так и не доехала, она и сама-то не знала, что в другом ее кармане был еще один билет: Жизнь — Смерть. А эта, рыжая, и денежки прибрала, и на море съездила... Только вот не в Адлер покатила, а махнула на Средиземное море.

Налегке. Без багажа, разве что с дамской сумочкой, в которой лежали несколько драгоценных банковских карт — и украденное чужое будущее.

Сидела в самолете, немея от внезапно обрушившегося на нее счастья, и благодарила бога за то, что не пострадала в аварии. Что столб, в который врезалась на полном ходу машина, убил не ее, а подружку. Ту самую подружку, которая все это и затеяла, придумала и провернула. И которая должна была забрать себе девяносто девять процентов украденного.

Но повезло этой рыжей гадине.

Самолет, аэропорт, отель, прогулки по Парижу, покупки в дорогих магазинах, ужины в ши-

карных ресторанах... Такси. Море. Снова отель. Пляж. Ресторан. Знакомство с женщиной... Ее туманные и очень опасные намеки — на ее принадлежность к высшему, золотому сословию... Конечно, с такими-то деньжищами!

Возможно, что она ездила во Францию, чтобы присмотреть себе дом или квартиру. И вернулась, чтобы решить вопрос с визой, уладить какие-то свои дела, привести в порядок все то, что составляло ее прежнюю жизнь здесь, в этом казавшемся уже недостойным ее городе.

Он встал, босиком прошел в кухню, открыл холодильник и счастливо вздохнул, обнаружив там забытую с вечера банку пива. Привычным движением открыл ее, наслаждаясь сочным звуком хлопка, отпил несколько первых жадных глотков. Пиво было ледяным, обжигающим.

Нехорошая, липкая мысль пришла к нему — о том, что убитая им женщина была невиновна. Вряд ли она, увидев его в ресторане и сразу же узнав, не испугалась бы.

Напротив, она улыбалась ему, как он теперь вспоминал — все поминутно вспоминал, — хохотала, казалась счастливой и рассказывала о том, как хорошо ей было во Франции, откуда она только что вернулась.

Если она была подельницей маникюриши, присвоила себе все деньги и укатила в Париж, то, встретив одного из двух человек, кого они с

подружкой ограбили, она должна была не то что испугаться, а вообще умереть от страха. Или, во всяком случае, сделать вид, что она его не узнала, а то и вовсе быстренько сбежать из ресторана, чтобы только не сталкиваться с ним нос к носу.

На самом же деле все произошло наоборот. Когда он подсел к ней, она заулыбалась, маленькие глазки ее часто-часто заморгали, как если бы она по-женски, приятно так заволновалась, вспоминая их любовь в гостиничном номере, шутки, смех... (И вновь его охватило сомнение, его память почему-то рисовала картинку, где эта баба ходила туда-сюда в каком-то жутком платье, и ни одного сексуального воспоминания.)

И с чего он взял, что она была заодно с Викторией? И покинула номер одновременно с ней? Многие женщины после случайного знакомства подолгу не задерживаются в чужой постели и утром, проснувшись и все осознав, исчезают. Может, им стыдно, а может, у них есть мужья и семьи? Или они просто не хотят, чтобы мужчина увидел их в утреннем, помятом виде?

Он никогда не забудет то зловещее утро. Он тогда проснулся, вспомнил, что богат, и вновь его накрыла волна счастья. Повернул голову, помня, что спал не один, и, не обнаружив рядом женщины, лишь пожал плечами — мол, ушла. Ну и слава богу. Он все еще продолжал оставаться спокойным и счастливым. Знал, что в одной из спален этого огромного номера, под крова-

тью, где сейчас нежится его друг с подружкой, в спортивной сумке лежит миллион двести пятьдесят тысяч евро. Нет. С учетом стоимости банкета чуть поменьше... И что уже сегодня утром, буквально через час-два, эти деньги будут разделены, и друзья разъедутся в разные стороны. И каждый начнет новую жизнь. И у каждого исполнятся все его мечты. Мечты разные, но чем-то все же похожие...

Разве мог он предположить, что это утро окажется концом их многолетней дружбы и началом жестокой вражды, войны?!

Он отгонял от себя эти воспоминания, чтобы не переживать снова и снова то тупиковое, беспомощное состояние, возникшее после того, как из спальни вышел, потирая плечи, с кислой похмельной физиономией Виталик. Он остановился посреди комнаты, где за столом сидел и курил Николай, и каким-то странным, неестественно высоким голосом спросил:

— А где, собственно, все?

— Я — тут, как видишь, — не подумав, ответил Николай и заметил, как во взгляде друга промелькнула растерянность.

— А эти... бабы?

— Не знаю. Моей нет.

— Вот и моей тоже.

И Виталик, помедлив немного, сказал тихо, как-то нехорошо, страшно:

— И сумки тоже нет.

5

Лиза с Глафирой вышли из мебельного салона и сели в машину.

— Если бы не твоя общительность, мы, может, ничего и не поняли бы, — сказала Лиза, заводя машину. — Хорошо, что и продавщица оказалась на редкость разговорчивой. Такая дорогая мебель! Понятное дело, что в нашем городе мало кто может ее себе позволить. Думаю, она стоит здесь уже не первый год. Так, открыли салон для отвода глаз, вернее, для отмывания денег. Да и люди ходят сюда просто как в музей.

— Получается, что этот господин Тайлер зарабатывает деньги каким-то другим путем.

— Понятное дело. Я со своей стороны постараюсь сделать все, чтобы выяснить, чем он на самом деле занимается, а для этого мне следует обратиться за помощью в первую очередь к Диме. Он многое знает о том, что происходит в нашем городе, а потому наверняка слышал что-нибудь и о Тайлере. Но у меня из головы не выходит Ирина. Ты же видела, насколько она напугана. Я уверена, что она ничего не знает об истинном бизнесе мужа, иначе не пришла бы к нам, просто не посмела бы. Но эти деньги... Большие деньги. Думаю, она боится, что Тайлера убьют, если он в скором времени их не найдет. Возможно, он должен был ими расплатиться за какой-то товар или услугу, а денег нет, дело приостановилось, и у кого-то, кто ждал этих денег, терпение уже на исходе...